

Герман Романов

**ГЕНЕРАЛ
ЗЛОЙ ГЕНИЙ
ПОРТ-АРТУРА**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р69

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 265

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Романов, Герман Иванович

Р69 Генерал. Злой гений Порт-Артура : роман / Герман Романов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-166175-5

Апрель 1904 года. Война с Японией начинает принимать неблагоприятный для России оборот: погиб броненосец «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым, спустя восемнадцать дней русский отряд генерала Засулича потерпел поражение в бою на реке Ялу. Японские войска собираются высадиться на Квантунском полуострове и захватить укрепленный Цзиньчжоуский перешеек, эти ворота на Порт-Артур. Такими же воротами является Перекоп для Севастополя. У них на пути – русский отряд генерала Фока. Именно его прозовут злым гением обороны, ведь именно Фок отдал приказ на отступление без всякой на то необходимости. Вот только эксперимент, проведенный в далеком будущем, нарушил естественный ход событий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Герман Романов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024
ISBN 978-5-17-166175-5

Вступление

Эта книга была мною задумана давно, сразу после прочтения романа Александра Николаевича Степанова, которым зачитывалось не одно поколение советских школьников. Книга буквально ошеломила меня в далеком 1978 году, и тогда я задался вопросами: а можно ли было отстоять Порт-Артур и что для этого потребовалось бы сделать?

Осенью 1982 года, будучи студентом, я получил доступ в научную библиотеку. Стал знакомиться с исследованиями и статьями, в том числе дореволюционными, посвященными ходу злосчастной Русско-японской войны в целом и обороне Порт-Артура в частности. Многие авторы практически в открытую писали, что это было, скажем так, время бездарно упущенных возможностей. Вот тогда я и попытался написать свою книгу, первую альтернативку, три общих тетради, исписанных с 1983 по 1987 год. Я понимал, что первый блин, скорее всего, выйдет пресловутым комом, а потому никому не признавался, что попытался написать свой вариант развития событий, о котором

знали три человека. Имена многих героев пришлось изменить, и события, разумеется, стали иными.

Теперь я решил книгу доделать, начав с пролога, благо материала в интернете хватает. Добавил фотографии, схемы и карты, но не изменил канву повествования, хотя по ходу дела учел замечания и внес множество дополнений и уточнений. Однако герой остался прежний — боевой генерал, которого ославили чуть ли не предателем и трусом в нашей истории, злым гением героической обороны Порт-Артура...

Пролог

— Старик на удивление крепок в свои сто два года. А ведь он давно отвоевал свое, трижды ранен, контузию получил сильную. Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя!

Строчка из бессмертного произведения Лермонтова прозвучала донельзя странно, отразившись от толстого защитного стекла экспериментальной камеры. Внутри было хорошо видно кресло, в котором сидел старик с морщинистым лицом, буквально увитый всевозможными проводами с датчиками. Тускло мерцали лампы, странно подрагивал воздух, будто бы его нагревали паяльными лампами.

Произносивший слова профессор, известный своими исследованиями крайне немногочисленному кругу людей, причем все они носили на своих плечах золотые с зигзагами погоны с вышитыми на них канителью звездами, был очень ухоженного вида. Властный, с умными пронзительными глазами, он сейчас говорил сам с собой, не обращая внимания на двух операторов, что впились взглядами в большие экраны плазменных мониторов. Там ярко светились

какие-то графики и схемы, которые чуть ли не ежесекундно менялись: эксперимент начался и проходил под пристальным наблюдением.

— Да, трое уже там умерло, этот четвертый... — теребя длинными холеными пальцами бородку, задумчиво пробормотал профессор, пристально разглядывая мертвенно-бледное лицо пациента.

В последнее время он часто говорил сам с собой, однако в глазах подчиненных это выглядело простительной слабостью, о чем они всегда тайно информировали соответствующих товарищей. Ничего тут не поделаешь, служба такая: без тотального контроля, а значит, взаимного доноительства, или стукачества, как принято в стране родимых берез и осин, никак не обойтись. Это хорошее дополнение к средствам видеонаблюдения и подслушивающей аппаратуре. Да и на каждом здешнем работнике подписок было, как на шелудивой собаке — блох: государственные тайны всегда тщательно оберегаются, особенно те из них, что грозят державе нешуточными проблемами в случае их утечки на сторону.

— Тут как с компьютером, идет переформатирование, но более подходящий термин, на мой взгляд, перезалив. — Профессор посмотрел на своего куратора, в котором любой знающий по выправке и развернутым плечам, которые не мог скрыть даже белый халат с шапочкой, моментально опознал бы кадрового военного.

— Судя по всему, наш объект уже доходит до кондиции и может деактивироваться в любую минуту. И мы снова получим двухсотого, никакая реанимация не поможет.

— Тут ничего не поделаешь, товарищ генерал, приходится рисковать. У нас ведь уже нет иного выбора. Ситуация сложная, требуется весомый ответ, который ошеломит «наших дорогих западных партнеров», как часто произносит Первый.

Профессор поморщился, но постарался сделать это незаметно. Как никто другой, он понимал неуместность продолжения эксперимента, но сверху торопили, настаивали и уже требовали ускорить ход событий. Ситуация в мире сложилась скверная, пресловутый Карибский кризис в сравнении с ней можно было бы сравнить с добродушными играми пацифистов. Война с применением атомных бомб и ракет для всех враждующих сторон завершится «викторией» — они смогут уничтожить своих противников. Только получают пиррову победу, одну на всех, коллективное самоубийство, для которого в НАТО в приснопамятный год придумали изящный термин — «овер килл». Но время еще имелось, как и перспектива задействовать нетривиальное оружие, которое в одно мгновение может дезактивировать ядерные арсеналы. Так что работа установки, действующей на иных технологиях, стала приоритетом высшей категории. А потому на смерть пациентов все смотрели уже спокойно: мало кого из ученых

в такой ситуации озаботит участь белых лабораторных мышей...

— Полковник ведь родился в двадцать первом году, за пять лет до кончины нашего реципиента, и оказался единственной подходящей кандидатурой. ДНК мы ему дополнили переливанием крови, и у нас есть ровно полчаса совместности, притирки двух матриц в прошлом, так сказать, и теперь ничего не остановить. Если не умрет сейчас, то результат достигнут.

— Да понимаю все, как и то, что Александр Викторович уже умирал — болезни и дряхлость доконали его. Хотя лучше подошел бы Илья Григорьевич, но тут не судьба, у нас тогда не было еще установки.

— Не совсем так, товарищ генерал, смею заметить. Номософия появилась отнюдь не на пустом месте, потому и решили использовать хоть такую взаимосвязь между объектами дополнительно: а вдруг это немного повысит наши мизерные шансы. К прискорбию...

Договорить профессор не успел, так как запищали динамики, и один из операторов, непроизвольно глотая от накатившего возбуждения воздух, излишне громко заговорил:

— Есть пробой! Активирован второй контур! Начат переброс! Пошел отсчет: три, два, один. Ноль!

Голос заглушил воющий сигнал, а в экспериментальной камере началось что-то невообразимое...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕЗАЛИВ

18–24 апреля 1904 года

Глава I

«Странно, какое-то новое ощущение. А ведь верно, ничего не болит надрывно, а вполне щадяще, чуть-чуть. А ведь я умирал, все же сто два года прожил, о таком сроке и не помышлял при моей-то службе и образе жизни. Всего трое товарищей через столетний рубеж перешли, и я последний среди тех, кто дожил до нынешнего дня.

Но лучше бы не видеть того, во что превратилась моя прежде великая держава, за которую миллионы людей порой не жалели ни крови, ни собственной жизни! И мир, который может обратиться в радиоактивное пепелище, если мы не остановим вырождков, что тщатся удержаться у кормила власти любой ценой, даже ценой гибели сотен миллионов человек!»

Мысли текли медленно и размеренно, как таежная река направляет свои воды в последние дни августа. Через сомкнутые веки

просвечивался яркий свет, какой бывает только утром, причем летом, да и холод совершенно не ощущался, было достаточно тепло. А еще вернулся слух — громкие человеческие голоса, крикливые, гортанные и звонкие «вечных спорщиков улицы», которые сразу наводили на размышления.

«Китайцев моментально узнаешь по манере разговора, такое общение для них совершенно нормально. Японцы и корейцы говорят между собой совершенно иначе, я это еще в сорок пятом году понял, когда пленных из Квантунской армии допрашивал. А до того на Халхин-Голе, где с самураями столкнулся в третий раз. Да и позже, когда общался с представителями Мао Цзедуна и Ким Ир Сена, послужил в Пхеньяне и Порт-Артуре, нашем тогда еще, потом его отдали китайским товарищам вместе с Дальним, и город стал Далянь.

Так что теперь ясно одно: раз слышу китайскую речь, то эксперимент удался, и я получил право на новую жизнь, пусть и в чужом для меня теле. Однако не очень долгую по времени. Разлет, как меня уверили, может быть от полумесяца до нескольких недель, шести-семи, не больше, а там настоящий хозяин тела вернет себе управление.

Сейчас реципиент должен спать, как в наркотическом сне, а я буду вместо него бодрствовать. Потому не стоит терять лишних часов, они для меня драгоценны. Так что пора браться

за дело, Александр Викторович, каждая минута может быть на вес золота, хотя время просто так не взвесишь, но зато живо прочувствуешь».

С трудом открыв глаза, человек обвел взглядом обычную комнату: затертые глиной стены, низкий потолок, небольшое окошко с отмытыми стеклами в деревянной раме. Из мебели только европейского вида письменный стол с двумя тумбами, тяжеленный даже на вид. Несколько гнутых стульев, подобных тем, что были в гарнитуре работы приснопамятного мастера Гамбса, которые искал «великий комбинатор» со своим незадачливым партнером, бывшим предводителем дворянства.

И открытый, без дверец, шкаф, там висела серая шинель с красными генеральскими отворотами. На полке — фуражка с округлой кокардой. А еще китель, украшенный золотыми погонами, с приколотым одиноким беленьким крестиком, в котором он моментально узнал орден Святого Георгия IV степени, самую почетную боевую награду в царской России.

Присел на железной кровати — пружинная сетка противно заскрипела. На таких койках с блестящими шарами на гнутых спинках ему приходилось спать раньше. Посидев с минуты, он сунул ступни в китайские соломенные чуни. Поддержав кальсоны десницей, подошел к окну, всмотрелся в грязноватое стекло и застыл, осознав, что все увиденное им не сон, а самая что ни на есть доподлинная реальность.

Перед глазами раскинулся небольшой китайский городок, обнесенный крепостной стеной, такой, как в импанях, только более длинной. Часть стены была обвалена, в разломе виднелись кумирни и фанзы, бегали чумазые ребятишки и худые, больше похожие на борзых собак свиньи. За городком виднелась небольшая сопка с пологими склонами, а с двух сторон от нее он увидел голубые полотнища заливов — море буквально подступало к узкому перешейку. Здесь он уже бывал в молодости, сразу после войны с японцами, принимая капитуляцию у гарнизона. И память до последнего дня имел хорошую — место узнал моментально, настолько все вспомнилось. Так что непослушный пока язык с трудом произнес только одно слово:

— Цзиньчжоу...

Гора Наньшань, точнее невысокая сопка, возвышавшаяся ровно посередине трехкилометрового перешейка, походила на вздувшийся фурункул. Были видны рассыпанные по склонам миниатюрные белые пятна. Можно не гадать, что это такое. То стрелки в летних гимнастерках старательно укрепляли оборонительные позиции.

Именно там он должен сделать закладку для будущих времен, хотя и так ясно, что устройство активировано. С военной точки зрения польза от него выйдет настолько значимая, что до всех политиков и военных враж-

дебного блока моментально дойдет, что война для них станет катастрофической по последствиям, фактически самоубийственной и бесплодной по своим целям, которые станут недостижимыми...

— Опоздал я, тут и гадать нечего, броненосец «Петропавловск» давно на морском дне с адмиралом Макаровым. На дворе — конец апреля или начало мая по старому стилю, все же тринадцать дней разница. Летом давно пахнет на дворе, Квантун, здесь тепло рано приходит.

Пробормотав себе под нос, человек провел ладонью по лицу. Пальцы уткнулись в окладистую бороду, которую он никогда не носил в своей прошлой жизни. Взяв со стола в руки небольшое зеркало на подставке, пристально всмотрелся в новое для себя лицо.

Подытожил коротко:

— Не красавец, но молодость все искупает.

Странно было бы услышать такие слова от 62-летнего мужчины, по меркам начала XX века старика. Но вся штука в том, что если брать от его настоящего возраста, перевалившего за столетие, то ныне он просто юнец.

Посмотрев еще немного в зеркало, подвел черту:

— А вполне даже ничего себе, упертый дядька мой реципиент, злой на язык генерал-лейтенант Фок, резкий, как понос, и вроде здорово еще в тонусе. А на седину в бороде напле-